

Соколова Ольга Викторовна

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
olga.sokolova@iling-ran.ru

Contro tutto e contro tutti*: лингвопрагматика протеста в манифестах итальянского футуризма

Для цитирования: Соколова О. В. *Contro tutto e contro tutti*: лингвопрагматика протеста в манифестах итальянского футуризма. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (1): 98–116. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.106>

Настоящее исследование опирается на теорию речевых актов Дж. Остина и концепцию градуальной интенсивности иллокутивной силы Дж. Сёрля и Д. Вандервекена. В статье исследуются особенности речевого акта возражения/протеста (экзерситива), выраженного единицами *contro* и *protiv*. Исторически протест как жанр восходит к традиции античного ораторского искусства и судебного права, однако в XX в. он также становится одной из основных форм выражения новой эстетической программы, которую формирует поэтический авангард. Выражение протеста и критическое отношение к доминирующему дискурсу являются основаниями взаимодействия авангардного поэтического и политического дискурсов. Анализ проводится на материале корпуса манифестов итальянских футуристов 1910–1920-х гг., для которых протест — языковой, эстетический и политический — является одной из доминант эстетической концепции. Выбор материала обусловлен тем, что именно эстетические манифесты становятся концептуальной площадкой, где сочетаются эстетико-теоретическая рефлексия, языковой эксперимент и языковое творчество. В дальнейшем идея противостояния языковым и культурным нормам была развита в манифестах других европейских авангардных движений, а также итальянского неомодернизма 1960–1970-х гг. (*Linguaggio e opposizione* (1961) Н. Балестрини, *Ideologia e linguaggio* (1965) Э. Сангвинети и др.). Среди маркеров выражения противительной семантики можно выделить следующие грамматические и лексико-грамматические средства: *no*, *da* в значении *no*, *однако*, *впрочем*, *анти-*, *protiv*, *напротив*, *вопреки*, *наперекор*; *ta*, *anzi*, *mentre*, *però*, *bensi*, *pure*, *addirittura*, *contro*, *piuttosto* и др. Исследуются грамматические и прагма-семантические особенности употребления единицы *contro* как одного из наиболее частотных маркеров противительности в манифестах итальянского футуризма. В результате анализа выявляются отличия в функционировании экзерситивов в зависимости от типа дискурса (авангардного поэтического и политического), а также выделяются различные способы отклонения от стандартного употребления, направленные на повышение иллокутивного эффекта и перформативного потенциала сообщения.

Ключевые слова: семантика противительности, лингвопрагматический эксперимент, экзерситив, авангардный поэтический дискурс, политический дискурс.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Речевой акт возражения и протестный дискурс

Оппозиционно ориентированное высказывание как речевой акт относится к классу **экзерситивов** и обозначает «принятие решения или пропаганду в пользу или против какого-то образа действий» [Остин 1986: 119]. Такое решение носит характер критического по отношению к общепринятому мнению о том, что «некое явление должно быть таким-то в отличие от суждения о том, что оно является таким-то: это пропаганда должного в противовес оценке сущего» [Остин 1986: 119]. Семантическая структура **возражения** сближается, согласно А. Вежбицкой, с требованием и отличается от просьбы («в требованиях есть нечто категорическое и не допускающее отказа, что сближает их с приказами, отличая в то же время от просьб»):

Я возражаю =

Предполагая, что я имею право сказать:

я не хочу, чтобы это было сделано,

желая сделать так, чтобы это не было сделано,

я говорю: я не хочу, чтобы это было сделано [Вежбицка 1985: 265].

Таким образом, релевантные условия, необходимые для выражения **протеста**, включают пропозицию (существующее положение дел), несогласие с которой высказывает адресат, обладающий (личностным/юридическим/политическим/социальным) правом манифестации собственной позиции.

Помимо релевантных условий, организующих протестное высказывание на уровне интеракции, необходимо также наличие определенных комбинаций на уровне макроструктуры дискурса, которые могут трансформировать доминирующий дискурс с помощью разных форм критических отношений. Это касается, прежде всего, комбинаций, которые формируются (или подавляются) политическим дискурсом, выполняющим роль управленческого по отношению к другим типам дискурса. В своей работе «Несогласие: Политика и философия» (1995) Ж. Рансьер строит концепцию политического дискурса на разграничении понятий **полицейского** порядка управления сообществом и **политики** как способа формирования общности и сообщества [Рансьер 2013: 55]. В основе идеи переговорной демократии, по Ж. Рансьеру, лежит концепция несогласия, т. е. возможность индивида выражать протест по отношению к распространенной идеологии:

...несогласие распространяется не только на слова. Оно более общим образом распространяется на саму ситуацию тех, кто говорит. <...> Там, где философия встречается одновременно с политикой и поэзией, несогласие распространяется на то, что значит быть существом, пользующимся речью для обсуждения. В структурах несогласия обсуждение того или иного довода препровождает к спору об объекте обсуждения и о статусе тех, кто его этим объектом делает [Рансьер 2013: 17].

Отметим, что выражение возражения/протеста, характерное как для политического, так и для научного дискурсов, легло в основу дискурсивного анализа (Н. Фэрло, Т. ван Дейк, Р. Водак и др.), направленного на критическое осмысление структур и механизмов доминирующего дискурса.

Если «полицейское государство» основано на неравноправии и отсутствии голоса, то политика, в отличие от пенитенциарной системы, наделяет каждого гражд-

данина «способностью» выразить свое (протестное) мнение, т. е. «агентивностью», возможностью формировать дискурс. Такая способность возмущения/протеста формируется уже в древних государствах и имеет разные направления адресации: противостояние по отношению к внешнему врагу и отстаивание собственной позиции внутри государства. В первом случае в роли адресата выступает собственный народ, а в роли контрагента — внешние государства-завоеватели. Примерами таких протестных лозунгов, входящих в более широкую политическую кампанию по борьбе за независимость, являются призывы, которые использовали спартанцы и афиняне во время Пелопоннесской войны. Обобщая эти призывы как «лозунги свободы», с помощью которых отправители отстаивали «свободу» (греч. ἐλευθερία) подчиненных городов и гарантировали собственную «автономию» (греч. αὐτονομία), С. Дмитриев утверждает, что на их основании возникает основополагающий принцип греческой политики — борьба за свободу, который впоследствии использовали римляне для распространения господства над Средиземным морем [Dmitriev 2011].

Во втором случае объектом протестного высказывания является доминирующий дискурс, распространенный внутри государства, возможность и способность выражения которого отличает демократическое государство от тоталитарного. Одним из семантических компонентов протеста является синонимическая пара *свобода* и *воля*, сопоставительный анализ которой не раз привлекал внимание исследователей. В результате этимологического¹ анализа этих слов К. Г. Красухин приходит к выводу о том, что различие между ними можно назвать «пространственным»: «Воля — это внешняя свобода, а свобода — внутренняя воля» [Красухин 2015: 406]. О пространственно-правовых границах *свободы* и *воли* пишет А. Д. Шмелев: «Свобода означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; а воля вообще никак не связана с понятием права» [Шмелев 2012: 32]. Именно *свобода* как право выражения собственного мнения в границах норм лежит в основе протестного высказывания как речевого акта.

Институционализация протеста как жанра восходит к традиции античного ораторского искусства и судебного права, когда граждане могли высказываться за и против, отстаивая свою позицию. Из формы индивидуального высказывания в демократических государствах такой тип высказывания переходит в форму институционального дискурса, когда индивидуум или группа могут высказывать свое мнение, отличное от распространенного. В зависимости от уровня развития государства такое выражение индивидуальной протестной позиции может повлечь или, напротив, не повлечь санкции различной степени тяжести.

Формами выражения протестного дискурса являются различные виды протеста, которые могут быть выражены как невербально, с помощью жестов, так и вербально. Анализируя тексты небольшого формата, выражающие открытое несогласие, А. Стефинлонго перечисляет такие их виды, как настенные надписи на улицах Помпеи и фрески позднего Средневековья, таблички на дверях и вывески на площадях, революционные брошюры и рукописные газеты, надписи на стенах

¹ *Воля* от и.-е. **vel-* > лат. *velle* 'хотеть', нем *wollen* 'хотеть', др.-рус. *волити* 'хотеть, предпочитать'; от корня **vel-* также происходят слова со значением 'сила, власть, господство' рус. *великий, владеть, власть*, нем. *Gewalt* 'власть, насилие' [Красухин 2015: 405]. *Свобода* — два варианта и.-е. корня **se-* > рус. *себя, себе* и **sue-* > *свой, свобода* [Красухин 2015: 408].

и баннеры на современных футбольных стадионах [Stefinlongo 2008: 443]. Различные формы протеста становятся новым способом диалога в пространстве современной сетевой коммуникации, когда запрет на реальное выражение мнения приводит к трансформации его в виртуальное высказывание.

В XX в. протест становится одной из форм взаимодействия политического и авангардного поэтического дискурсов. Обращение авангардистов к жанру манифеста, заимствованного из политики, и его модификация приводят к концептуализации протеста — языкового, эстетического и политического. Кратко характеризуя отобранный для анализа материал, отметим значимость манифеста для поэтического авангарда, обусловленную тем, что манифест стал не только теоретической ареной для формирования новой эстетики, но и площадкой для реализации практического, языкового эксперимента. Вслед за трансформацией жанра политического манифеста в середине XIX в.², «революцию» жанра в литературе в начале XX в. совершают футуристы. Исследователи определяют манифест как центральный жанр авангардной литературы, который выражает основные черты социально-политической современности и ключевые положения новой эстетики [Somigli 2003; Puchner 2006; Зыкова, Соколова 2019; и др.]. Дж. Лайон акцентирует дискурсивную «пограничность» футуристического манифеста, который представлял собой синтез взаимоотношений между революционным дискурсом, авангардной эстетикой, феминистическими практиками и общественными дебатами, развившимися во второй половине XX в. [Lyon 1999: 46]. Таким образом, анализ языка авангардных художественных манифестов является актуальным для выявления не только эстетических особенностей итальянского футуризма, но и общесоциальных и политических явлений начала XX в. Отметим, что в дальнейшем идея противостояния языковым и культурным нормам была развита в манифестах других европейских авангардных движений, а также итальянского неоавангарда 1960–1970-х гг. (например, в манифестах «Язык и оппозиция» (1961) Н. Балестрини, «Идеология и язык» (1965) Э. Сангвинети и др.).

Говоря о повышенной иллокутивной силе и перформативном потенциале высказывания, мы ориентируемся на концепцию градуальности иллокутивной силы Дж. Сёрля и Д. Вандервекена, согласно которой иллокутивная «интенсивность» может быть повышена в зависимости от употребляемых языковых средств. Повышение иллокутивной силы основано на корреляции имплицитности выражения и таких критериев, как иллокутивная цель, коммуникативная ситуация, условия пропозиционального содержания и др. [Сёрль, Вандервекен 1986]. Соответственно, такие прагматические маркеры, как дискурсивные слова, грамматикализованные единицы и др., обладают более интенсивной иллокутивной силой, что приводит к повышению перформативности высказывания и вовлечению адресата в интерак-

² Согласно Д. Лукачу, переломным текстом, повлиявшим на трансформацию языка политики и обозначившим формирование нового революционного языка, признается «Манифест коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса [Lukács 1971]. Именно в этом манифесте реализуется заявленное в последнем из «Тезисов о Фейербахе» (1845) стремление К. Маркса к действительности политического языка: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (курсив в источнике. — О. С.) [Маркс 1955: 4]. Акцентирование перформативности языка связано с его осознанием не как инструмента, но как регулятора социальных отношений, способного поддерживать или трансформировать общественную систему и даже играть доминирующую роль в процессах функционирования общества.

цию. Исследование прагматического измерения становится все более актуальным в современной лингвистике, в связи с чем развивается такое направление, как метапрагматика [Silverstein 2001; Verschueren 2000]. В. Е. Чернявская вводит понятие метапрагматики коммуникации как динамической стороны контекстуализации, в фокусе внимания которой находятся эффекты выбора и использования языковых единиц в связном дискурсе, которые маркируются в структуре высказывания «с разной растяжкой эксплицитности и имплицитности выражения» [Чернявская 2020: 138]. Среди таких прагматических маркеров, функционирующих как средства имплицитного воздействия на адресата и обладающих повышенным перформативным потенциалом, в разных направлениях авангардной литературы мы выделяем ряд единиц: *blast*, *даёшь* и др. (подробнее см. в [Соколова 2021; 2022]), а также *contro* и *против*.

Семантика противительности и грамматика протеста

Понятие противительности, основанное на идее противопоставления, относится к субъективной модальности, оно выражает отношение субъекта и оценку тех фактов, предметов или явлений, которые противопоставляются. Средства выражения противопоставления могут отличаться по степени интенсивности выражения субъективности в зависимости от позиции говорящего. Так, синтаксическая конструкция противопоставления/сопоставления может выражать бóльшую или меньшую степень вовлеченности говорящего и, соответственно, экспрессивной окрашенности высказывания: выбор противительного союза *a* будет выражать нейтральное отношение, в то время как союз *no* — сигнализировать «резкое, энергичное» противопоставление или возражение [Виноградов 2001: 584]. Определение противительности основано на семантике противопоставления. Оппозиция лексического и грамматического значений, заложенная в семантике противительности, выражается в определении противительных союзов, таких, которые «обозначают противопоставление значения и одновременно соединяют предложения (лат. *sed* 'но', *verum* 'тем не менее, но', *ceterum* 'но, однако', *autem* 'но', *ast* 'но, а, напротив', *vero* 'но даже; но, однако', *at* 'но', *atqui* 'однако, напротив; но, а', *quod* 'хотя', и в некоторых случаях *quamquam* 'хотя, несмотря на то что', *tamen* 'однако', *etsi* 'хотя, несмотря на то, что', *tametsi* 'хотя')» [Roby 1875: 461]. Среди существующих подходов к исследованию противительности можно выделить классификации противопоставительных отношений, которые включают как семантические, так и прагматические аспекты. Например, «замена» (субституция), «прямая или непрямая уступка», «семантическая оппозиция», «дискурсивный контраст» и «возражение» [Kroon 1995: 211]; «семантическая оппозиция», «отрицание ожидания», «коррекция», «аргументация» и типы, которые определяются коммуникативной ситуацией, включая «блокаду коммуникативного вывода слушающего», «отсылку к предположению говорящего» и др. [Rudolph 1996].

Разграничивая понятия противопоставления и противительности, М. С. Милованова учитывает степень проявления признака, которая повышается соответственно увеличению доли субъективно-модального компонента семантики «по мере продвижения от чисто грамматических (логико-грамматических) средств выражения противительных отношений (союзов *a*, *no*) к лексическим маркерам

противительности» [Милованова 2016: 45]. Значение пространственной границы, заложенное в более абстрактной семантике противительности, выражается в том, что субъективное противопоставление (*Я — не-Я*) осложняется смысловыми субъективно-оценочными компонентами возражения, несогласия, отрицания, ограничения, враждебности, протеста, возмущения, негодования и т. д. [Милованова 2016: 255].

Среди маркеров противительной семантики исследователи выделяют следующие грамматические и лексико-грамматические средства в русском языке: *но, да* в значении *но, однако, впрочем, анти-, против, напротив, вопреки, наперекор, прямо, просто, прочь* [Современный русский язык 2009: 78; Милованова 2016: 51]; в том числе единицы с комплексной уступительно-противительной семантикой: *всё-таки, всё равно, хотя/хоть, пусть/пускай, несмотря (на то что)* [Милованова 2016: 87–89]; в итальянском языке: *ma* ‘но’, *anzi* ‘напротив’, *mentre* ‘хотя, несмотря на то, что’, *però* ‘но’, *bensi* ‘но, а, хотя’, *invece* ‘напротив, наоборот’, *laddove* ‘тогда как, между тем как’, *tuttavia* ‘тем не менее, однако’, *al contrario* ‘напротив’, *sennonché* ‘в противном случае’, *nondimeno* ‘однако, тем не менее’, *peraltro* ‘однако, впрочем’, *pure* ‘однако, но’, *epppure* ‘однако, и всё же’, *contro* ‘против; вопреки, наперекор’, *piuttosto, contro-, contra-* ‘контр-, противо-, обратный’, *anti-* ‘анти-, против(о)-, пред-’ [Dardano, Trifone 1995: 428, 470–471; Prandi, De Santis 2019: 299–300; Stefinlongo 2008: 446].

Если синтаксические конструкции с противительными союзами (*но, ma* ‘но’) позволяют выразить наименее экспрессивно-маркированное отношение субъекта к ситуации, то такие лексико-грамматические средства, как *против, contro* ‘против’, в которых выражается синкретизм пространственно-противительной семантики, способствуют повышению выражения экспрессивности и субъективно ориентированных модальных компонентов значения. Частотное употребление единицы *contro* в манифестах итальянского футуризма и *против* — в манифестах русского авангарда дает возможность рассмотреть их как ключевые единицы, которые формируются в ситуации взаимодействия авангардного поэтического и политического дискурсов.

Contro в политических текстах

Значение противительности, контраста стоит на первом месте при определении образованного от латинского *contra* итальянского предлога *contro*: «служит для обозначения противопоставления, а иногда для обозначения отношения между вещами или людьми, которые расположены друг напротив друга»³ [Pianigiani 1907: 340]. В словаре итальянского языка выделяются такие основные значения, как: «1. Противостояние, враждебность, конфликт», в том числе в спорте; значение с военным компонентом «2. Наступательное или оборонительное действие, позиция или движение»; а также «3. Движение в противоположном направлении»; 4. «Положение впереди»; 5. «Локативное значение ‘против, напротив’ выражается наречием» [Treccani]. Двухкомпонентная структура противительной конструкции строится по принципу контраста, когда противительная единица участвует в выражении противостояния субъекта по отношению к объекту (или другому субъекту

³ Здесь и далее перевод с итальянского языка автора настоящей статьи.

в функции объекта). В стандартном противительном высказывании присутствуют два взаимосвязанных элемента, находящиеся в отношениях противопоставления, выраженных с помощью грамматических или лексико-грамматических показателей, которые обозначают границу этой оппозиции.

Политический язык обладает рядом специфических черт, среди которых исследователи выделяют «парадигму отзеркаливания» («paradigma del rispecchiamento»), т. е. воспроизведение языковой модели избирателей: разговорный синтаксис и лексика устной речи [Serianni, Antonelli 2011: 153–154]. Говоря о современной итальянской политической коммуникации, Л. Серианни и Дж. Антонелли отмечают такие ее свойства, как неформальность, экспрессивность и включение элементов народного языка, диалектных или региональных форм (например, *lumbard*, *cadrega* ‘кресло’ в значении ‘позиция власти’) [Serianni, Antonelli 2011: 153–154]. Доминирующей чертой политического языка является его перформативность, о чем мы писали выше в связи с манифестом К. Маркса. Согласно исследователю истории итальянского политического языка Э. Лезо, основной функцией такого языка является побуждение к действию, провокация определенного поведения:

Это язык, по своей сути конативный, производящий впечатление, направленный на спряжение в будущем времени, фиксирующий дейктическое пространство и выражающий перформативность, в которой высказывание и действие иногда совпадают, «dictum et factum», переосмысляя Вико, «convertuntur» [Leso 1994: 705].

Именно побуждение адресата к действию и повышение перформативности являются теми общими прагматическими параметрами, которые объединяют авангардные поэтический и политический дискурсы.

Современные исследования политического дискурса на материале романских языков рассматривают различные вопросы, касающиеся общих языковых тенденций [Dell'Anna 2010; Petrilli 2015; и др.], языковой политики [Bochmann 2018; Verguto 2018] и языковых контактов, происходящих в ситуации глобальной мировой политики. В исследованиях Н. Г. Мёд изучаются различные языковые результаты, возникающие в процессе социального и политического взаимодействия стран Иberoамерики и России [Мед 2021]. На основе анализа семантического освоения русских заимствований в испанском языке Мёд выделяет базовые тенденции, характерные для межязыкового взаимодействия в политическом дискурсе, которые связаны с повышением экспрессивности высказывания и отражением существующих стереотипных представлений об образе страны [Мед 2021: 243].

Рассмотрим примеры такого распространенного жанра политического дискурса, как слоган. В связи с тенденцией к экономии в политических слоганах используются приемы коммуникативной и синтаксической компрессии, выражающие имплицитную и эллиптированную информацию. Это связано с тем, что в центр читательского внимания помещаются коммуникативно значимые слова. Можно провести параллель между структурными свойствами слоганов и заголовков, которые отдельно анализирует Г. А. Золотова в рамках теории коммуникативной грамматики. Она подчеркивает особую синтаксическую функцию предлогов в заголовочной позиции, которые выступают в качестве самостоятельных, изолированных единиц и характеризуют ситуацию, объекты или текст в целом. Отдельное внимание Золотова уделяет заголовкам с предлогом *против*, который в этих

контекстах относится к экспрессивным грамматическим средствам языка: *Против совести; Против беды, против войны. Против стратегии ядерного самоубийства* (Красная звезда, март, 1983) [Золотова 2006: 4–5, 88–89]. Сходная конструкция характерна и для итальянского языка, что выражается в многочисленных примерах политических слоганов: *Contro i sensi vietati, le strade del possibile; DIFENDIAMO LA STORIA / CONTRO LA CATTIVA MEMORIA; Contro la globalizzazione; contro il neoliberalismo, la guerra e il razzismo; Contro ogni violenza a donne e minori; Contro il sistema / La gioventù si scaglia / Boia chi molla / È il grido di battaglia!* и др.

Мы против: безобъектный протест русского пананархизма

Прежде чем обратиться к подробному анализу текстов итальянских футуристов, отметим общую тенденцию к политическому протесту в манифестах радикально настроенных направлений поэтического авангарда. Одними из наиболее кардинальных выразителей идеи протеста в раннесоветском авангарде стали братья Гордины с их концепцией пананархизма. Частотное употребление *против* в названиях статей выпускаемой ими газеты «Анархия» выступает маркером протестного дискурса: «Именем советской власти против советской власти» (Анархия. 1918. № 44), «К тем, кто против нас» (Анархия. 1918. № 52), «Протест против расстрелов» (Анархия. 1918. № 73), «Против всех» (Анархия. 1918. № 75), «Против Бога и Природы» (Анархия. 1918. № 76), «Мы против...» (Анархия. 1918. № 78) и др. Показательными являются формы бессубъектного и безобъектного употребления *против* в названиях статей, соответственно «Против всех» и «Мы против», которые отличаются от стандартного противопоставления в конструкции «субъект против объекта».

В безобъектных конструкциях происходит повышение экспрессивности высказывания: акцент переносится на позицию субъекта, выражающего категорическое неприятие, которое возводится в абсолют. Происходит смещение от конкретного к абстрактному, обобщенному протесту: *против всего*. Как отмечает М. С. Милованова, «в безобъектной синтаксической конструкции *Я против* становится идеальным воплощением субъективной сущности противительной семантики» [Милованова 2016: 37]. Если нормативно допустимое нарушение двухкомпонентности противительной конструкции формирует безобъектную конструкцию (*Я против*), то в авангардном тексте такое нарушение носит характер языкового эксперимента.

Нулевой объект выражает тотальное, универсальное отрицание, которое осмысливается и самими авторами (ср. с идеей Гординых о трех «силах» языка: *Dubér, Nihil, Atud* [Братья Гордины 2019: 69]). Протест — это способ противостоять приказу как дискурсивному насилию, являющемуся внутренней сущностью власти как таковой:

Мы за свободу, за полную свободу. Свобода у нас неделимое целое, абсолют.

И потому мы против власти, против законов, против государства, против принудительного суда.

Но никогда нельзя сказать, что мы против советской власти, как нельзя сказать, что мы против «революционного трибунала», ибо мы против суда вообще, а не против трибунала как такового. Мы восстаем против рода, а не против вида. <...> **Мы, анархисты, вообще «против»** [Братья Гордины 1918a: 1].

В этом определении анархизма, или «панархизма» (самоназвание братьев Гординых), важна бессубъектная позиция, которая отличает их от других анархистских направлений: «Кто утверждает, что анархисты “против советской власти”, сваливая нас в одну кучу с остальными противниками советской власти из лагеря “социалистов”, тот просто не разбирается, неграмотен политически» [Братья Гордины 2019: 69]. Политическая неграмотность здесь взаимосвязана с неспособностью правильно интерпретировать тезис: обобщенный протест, выраженный отсутствующим субъектом в противительной конструкции и приставкой *пан-* в названии *пананархизм*.

К другим средствам выражения тотального протеста у Гординых относится приставка *a-*: *афизизм* как отрицание природы; «*аморфизм* — отрицание морфизма, или формизма, как системности, оформленности явлений» [Братья Гордины 1918б: 17–18]. Грамматическим средством выражения протестного дискурса также является тройное неузальное употребление отрицания. Если традиционно в русском языке двойное отрицание означает утверждение (*не мог не согласиться* = ‘согласился’), то в конструкциях у Гординых встречается новая форма отрицания *не + V* и *не не + V*:

Мир **не** произошел и **не не** произошел. Мир и происхождение не соотносительны.
Дух **не** произошел и **не не** произошел. Дух и происхождение не соотносительны.
Общество **не** произошло и **не не** произошло. Дух и происхождение не соотносительны [Братья Гордины 2019: 237–238].

Встречаются такие варианты тройного отрицания, как *не + N* и *не вне + N*: «Мир — Вселенная — не во времени и не вне времени. Мир и время не соотносительны» [Братья Гордины 2019: 238]. Такие конструкции с тройным *не* преодолевают закон двойного отрицания, который лежит в основе классической логики (принцип «если неверно, что неверно А, то А верно»), упраздняя формальную логику и создавая новые алогические законы пананархической концепции Гординых.

Contro в манифестах итальянских футуристов

Обращаясь к манифестам итальянских футуристов, можно отметить, что в функции элементов оппозиции наиболее часто встречаются номинации, отсылающие к художественному дискурсу, с одной стороны, и к политическому и военному дискурсам — с другой (предикат также часто выражается с помощью военной лексики). Выражение противостояния доминирующему дискурсу и стремление к революционизации языковых и эстетических норм маркируется с помощью военной лексики (*rivoluzione* ‘революция’, *guerra* ‘война’, *lotta* ‘борьба’, *combattimento* ‘сражение’): ...*la lotta immane e sproporzionata al risultato sostenuta contro la materia nella costruzione del quadro* ‘чудовищная и неизмеримая борьба за результат против материала при создании картины’ («*Rivoluzione tipografica*»)⁴. Также протест акцентируется средствами экспрессивной грамматики, обретая повышенное воздействие на адресата с помощью побудительной модальности, выраженной императивами: ***Non urlate contro la pretesa bruttezza delle locomotive***

⁴ Здесь и далее цитаты из манифестов приводятся по архиву, размещенному на сайте Академии делла Круска [Manifesti futuristi], если не указан иной источник.

dei tramvai degli automobili e delle biciclette in cui noi troviamo le prime linee della grande estetica futurista 'Не возмущайтесь мнимым уродством локомотивов трамваев, автомобилей и велосипедов, в которых мы находим первые строчки великой футуристической эстетики' («Contro Venezia passatista»), — или инфинитивами, употребленными в значении побуждения: **Ribellarci contro la tirannia delle parole** 'Восстанем против тирании слов' («La pittura futurista»). Кроме побудительной модальности, в манифестах используются показатели субъективной модальности, в частности маркеры деонтической необходимости (*dovere* 'быть должным') и глаголы желания (*volere* 'хотеть'):

7. *La poesia deve essere concepita come un violento assalto contro le forze ignote, per ridurle a prostrarsi davanti all'uomo* '7. Поэзия должна быть задумана как жестокая атака против неведомых сил, чтобы заставить их пасть ниц перед человеком';

10. *Noi vogliamo distruggere i musei, le biblioteche, le accademie d'ogni specie, e combattere contro il moralismo, il femminismo e contro ogni viltà opportunistica o utilitaria* '10. Мы хотим уничтожить музеи, библиотеки, академии всех видов, хотим сражаться против ханжества, феминизма и любой оппортунистской или утилитарной трусости' («Fondazione e manifesto del futurismo»).

Говоря о концепции искусства как войны (ср. с известным лозунгом Маринетти «Война — гигиена мира»), подчеркнем, что в литературе начала XX в. война воспринималась как символ эстетических и политических перемен. Исследуя истоки взаимодействия поэзии и политики в Италии в XX в., Э. С. Лонги отмечает, что общей их причиной стал глубокий кризис системы либеральных ценностей, который задал интенцию для разработки в литературе модернизма и футуризма проекта трансформации итальянской политики и создания нового поэтического строя. В основе этого проекта лежат несколько составляющих: политическая конфронтация (неприятие как буржуазной морали, так и демократического и социалистического материализма), война как новая реальность и национальный миф, которые породили в Италии настоящую лабораторию, направленную на трансформацию связей между эстетикой и политикой [Longhi 2019; 2022].

Соответственно, анализ футуристических манифестов позволяет осмыслить общие тенденции, характерные как для авангардной поэзии, так и для других дискурсов, а прагма-семантический анализ экспрессивных языковых средств дает возможность сделать выводы о специфике функционирования единиц, способствующих усилению иллокутивной силы и повышению перформативности, которые активизируются при междискурсивном взаимодействии. Вовлечение адресата в интеракцию, которое является коммуникативной целью авангардной литературы (наряду с лингвистической и эстетической — созданием нового художественного языка и искусства), также реализуется за счет экспрессивного синтаксиса, нарушения пунктуационных и грамматических связей, повтора и графического выделения ключевых элементов высказывания:

DUNQUE avanti eroismo eroismo eroismo violenza tenacia accanimento senza tregua **distruggere schiantare... guerra ad alta tensione contro CONTRO CONTRO Vienna contro CONTRO CONTRO Berlino** 'ИТАК вперед героизм героизм героизм насилие упорство ярость не прекращая разрушать ломать... высоковольтная война против ПРОТИВ ПРОТИВ Вены ПРОТИВ ПРОТИВ Берлина' («Contro Vienna e Contro Berlino»).

Само определение футуризма дается в манифестах в форме противительной конструкции, когда перечисление отрицаемых объектов позволяет выразить идею о революционизации языка и дискурса, поскольку любое законченное определение относится к сфере диктатуры дискурса:

FUTURISMO... È ferocemente rivoluzionario contro l'accademia di ogni colore gravante sull'Italia; contro le mode archeologiche e storiche; contro l'eccessivo culto del passato; contro la calma, la misura, la tradizionalità, la graziosità e altre pericolosissime inclinazioni dello spirito italiano 'ФУТУРИЗМ... это яростная революционность против академий всех цветов, которые нависают над Италией; против археологических и исторических мод; против чрезмерного культа прошлого; против спокойствия, меры, традиционности, грациозности и других сверхопасных наклонностей итальянского духа' [Papini 1913: 75];

Futurismo è: rafforzamento e difesa del genio italiano (creazione, improvvisazione) contro l'ossessione culturale (musei, biblioteche); solidarietà di novatori italiani contro camorra degli accademici, degli opportunisti, dei plagiaristi, dei commentatori, dei professori e degli albergatori 'Футуризм — это: укрепление и защита итальянского гения (творчества, импровизации) от культурной одержимости (музеев, библиотек); солидарность итальянских новаторов против банды академиков, оппортунистов, плагиаторов, комментаторов, профессоров и администраторов' («Il futurismo»).

Употребление *contro* встречается в конструкциях с местоимениями, когда в качестве отрицаемого члена оппозиции могут выступать личные местоимения *voi* 'вы', *noi* 'мы': *Si, la guerra! Contro di voi, che morite troppo lentamente* 'Да, это война! Против вас, которые умирают слишком медленно' («Proclama futurista»), или определительные местоимения *tutto* 'всё', *tutti* 'все':

...molti credono che per esser futuristi basti rivoltarsi contro tutto e contro tutti prendere a rovescio tutti i principii accettati, contraddirsi sistematicamente ogni giorno, distruggere per distruggere, insomma, e vomitare parolacce '...многие считают, чтобы быть футуристами, достаточно восставать против всего и всех, переворачивать с ног на голову все общепринятые принципы, постоянно противоречить, разрушать, чтобы разрушать и, наконец, извергать ругательства' («In quest'anno futurista»).

Бессубъектный протест

Отметим, что антонимичный предлог *pro* 'за' может входить в состав предложной группы с эллиптированным глаголом и существительным, обозначающим субъект, и фразеологизироваться, образуя устойчивые формы, например, в жанре тоста: «За + NAcc!»; «За + PronAcc!» *За Анну!*; *За вас!*; «Alla salute di + N!»; «Alla + Pron Possessivo + salute!» *Alla salute di Anna!*; *Alla (Sua) vostra salute!* (где восстанавливаются глаголы *выпьем, beviamo*). Другая устойчивая форма, в основе которой лежит идиоматизированная конструкция с эллиптированным глаголом, часто используется в лозунгах: «За + NAcc!»; «За + PronAcc!» *За Родину!* *За Победу!*; «Per + N!» *Per l'Italia ora e sempre* 'За Италию сейчас и всегда'. По такому же принципу образуются лозунги от предлога *pro* «Против + NGen» *Против высшей меры!*; «Contro + N» *Contro il male*.

Такое функционирование *contro* в инициальной позиции часто используется в заголовках манифестов итальянских футуристов, что также отражает взаимо-

действие авангардного поэтического и политического дискурсов (о политических лозунгах см. выше): «Contro Venezia passatista», 1910 ('Против пассатистской Венеции'), «Contro la Spagna passatista», 1911 ('Против пассатистской Испании'), «Contro l'amore e il parlamentarismo», 1917 ('Против любви и парламентаризма'), «Contro i professori», 1910 ('Против профессоров'), «Contro il matrimonio», 1919 ('Против супружества'); «Contro Vienna e Contro Berlino», 1916 ('Против Вены и Против Берлина'); «Contro il papato e la mentalità cattolica, serbatoi di ogni passatismo», 1919 ('Против папства и католического менталитета, резервуаров всякого пассатизма'); «Contro l'esterofilia», 1932 ('Против эстерофилии') и др. Заголовок может быть построен по принципу параллелизма — повтора бессубъектной конструкции с *contro*:

Contro il teatro morto

Contro il romanzo analitico

Contro il negrismo musicale

Manifesto futurista 'Против мертвого театра // Против аналитического романа // Против музыкального негризма // Футуристический манифест'

Учитывая нарушение симметрии двухкомпонентной структуры, с одной стороны, и обретение предлогом новой функционально-семантической характеристики — с другой (что выражается в выстраивании протестного, отрицательно-оценочного семантического фокуса), можно обозначить такой тип конструкций, как бессубъектный протест. В таких конструкциях экзерситив как речевой акт протеста обретает более высокую степень экспрессивности, поскольку отправителем сообщения оказывается не конкретный, а абстрактный субъект. Деперсонализация говорящего создает эффект объективности противительного высказывания и повышает его убедительность. Действие отрицания воспринимается адресатом как объективно заданное, в которое вовлекается и он сам, что приводит к эффекту имплицированной инклюзивности: <мы все> *против*.

Также *contro* встречается в парцеллированных конструкциях, где местоимение и глагол графически и пунктуационно отделяются от списка объектов, на «борьбу» с которыми направлено высказывание. Экспликация личного местоимения (*noi* 'мы') в итальянском, который относится к языку типа *pro-drop*⁵, служит средством выражения экспрессии и создает эффект вовлечения адресата в интеракцию, функционируя как «мы-инклюзивное» (рис. 1).

NOI COMBATTIAMO:

1. — *Contro il patinume e la velatura da falsi antichi;*
2. — *Contro l'arcaismo superficiale ed elementare a base di tinte piatte, che riduce la pittura ad una impotente sintesi infantile e grottesca;*
3. — *Contro il falso avvenirismo dei secessionisti e degli indipendenti, nuovi accademici d'ogni paese;*
4. — *Contro il nudo in pittura, altrettanto stucchevole ed opprimente quanto l'adulterio nella letteratura.*

Рис. 1. У. Боччони, К. Д. Карра, Л. Руссоло, Дж. Северини, Дж. Балла
«Футуристическая живопись» (1910). Источник: [Manifesti futuristi]

⁵ Группа языков, которые обозначают как *pro-drop languages* (от «pronoun-dropping»), — это языки, в которых некоторые классы местоимений могут быть опущены, если они прагматически или грамматически выводимы.

Окказиональные формы протеста: полимодалый протест и неологизмы

Выше мы приводили примеры с безобъектным и бессубъектным протестами. В текстах итальянских футуристов также распространен другой прием, когда эксперимент с нарушением симметрии противительной конструкции происходит в области полимодалности. Семантическая модификация дополнительно маркируется с помощью графического выделения единицы, которая выдвигается в центр языкового эксперимента. Возможность различных интерпретаций включает наличие множества объектов, расположенных как в правом (последующем), так и в левом (предшествующем) контекстах. В манифестах итальянского футуризма идея тотального протеста реализуется не только синтаксически, но и графически. Единица *contro* может выделяться и графически отделяться от остального текста, что одновременно маркирует множественность валентностных связей (рис. 2–4).

В полимодалных текстах экзерситив получает новые функции многоуровневого, тотального протеста за счет нелинейных связей с другими единицами высказывания, которые могут быть интерпретированы в разной последовательности. Вывод в фокус предлога с функцией протеста способствует повышению интенсивности иллокутивной силы за счет активизации коммуникативных параметров высказывания, вовлечения адресата в интеракцию и имплицитного акцентирования иллокутивной цели.

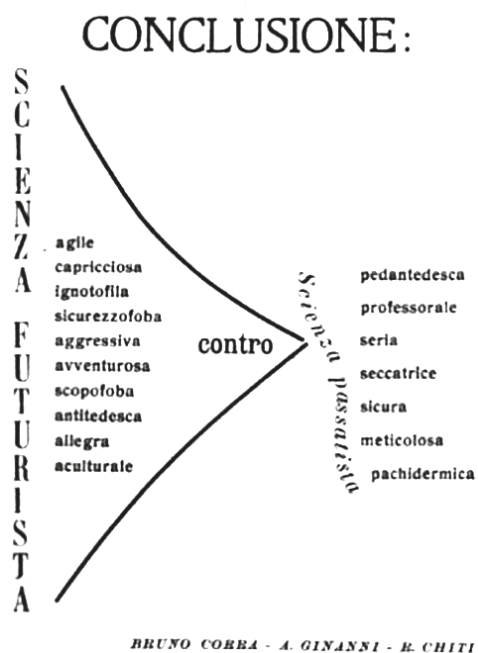

Рис. 2. Б. Корра (Джинанни-Коррадини), А. Джинанни-Коррадини (Джина), Р. Кити, Э. Сеггимелли, М. Карли, В. Наннетти, О. Мара (Аттилио Франки). «Футуристическая наука» (1916). Источник: [Manifesti futuristi]

Лексическими показателями семантики противительности также становятся дериваты, в значении которых сохраняются субъективная модальность и отрицательная оценочность. Помимо узуальных дериватов, употребляемых в манифестах (например, *contro-mina* ‘контрмина’), итальянские футуристы вводят неологизмы, образованные по типу словосложения: *contro-natura* ‘контрприрода’, *contro-arte* ‘контрискусство’, *contro-dolore* ‘контрболь’ и др.

Таким образом, идея протеста, являющаяся базовой для авангардной литературы, выразилась в эстетической концепции итальянского футуризма как тотальный протест. Этот протест имел определенные объекты, на которые было направлено каузирующее действие субъекта: оппозиция по отношению к доминирующему дискурсу, языку, искусству с целью их революционизации. В отличие от предшествующих художественных направлений, в авангардной литературе протест стал эстетической

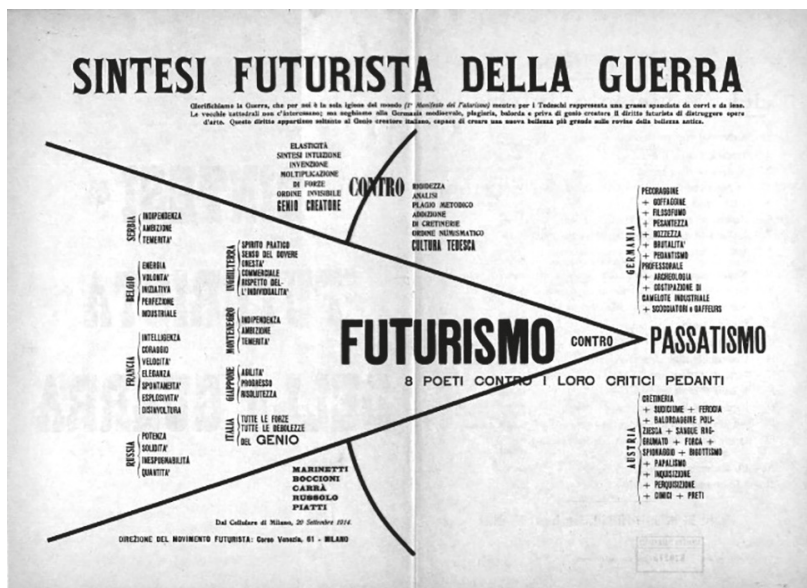

Рис. 3. Ф. Т. Маринетти, У. Боччони, К. Карра, Л. Руссоло, У. Пьянти. «Футуристический синтез войны» (1914). Источник: [Manifesti futuristi]

Рис. 4. Ф. Т. Маринетти, У. Боччони, К. Карра, Л. Руссоло, У. Пьянти, фрагмент из манифеста «Футуристический синтез войны» (1914). Источник: [Manifesti futuristi]

и коммуникативной целью авангардной литературы. Любое утверждение должно быть подвергнуто отрицанию, высказывание должно «деавтоматизироваться», быть «остраненным» (в терминологии русских формалистов и В. Б. Шкловского), иначе оно перемещается в зону обыденного языка и автоматизируется, утрачивает новизну и действенность. Именно в этой установке на создание перформативного искусства, воздействующего на реальность, заложена политическая повестка авангарда, которая в своем радикальном воплощении получила форму взаимодействия с военным дискурсом. С целью интенсификации иллюкативной силы и деавтоматизации восприятия авангардисты осуществляют эксперимент с иллюкативно маркированными единицами. Идея тотального протеста выразилась в нарушении симметричного субъектно-объектного противопоставления взаимосвязанных элементов, которую в итальянском футуризме и русском авангарде заменили авторские формы протеста (бессубъектный, безобъектный, полимодальный), выражающие

протест *против всего и всех*, тотальный протест. Семантика протеста, выраженная в противительных конструкциях, концептуализировалась в манифестах итальянского футуризма с помощью единицы *contro*, у русских авангардистов эту функцию несет *против*, схожие функции в манифестах британских вортицистов выполняет *blast*. Анализ функционирования *contro* и *против* позволил выявить их прагматическую специфику, связанную с повышением иллюкутивного эффекта и оказанием активного воздействия на адресата.

Источники

- Братья Гордины 1918a — Братья Гордины. Мы против... *Анархия*. 1918, (78): 1.
Братья Гордины 1918b — Братья Гордины [Гордин А. Л.]. *Социомагия и социотехника, или Общеизвестность и общестроительство*. М.: Первый центральный социотехникум, 1918.
Братья Гордины 2019 — Братья Гордины [Гордин В. Л.]. *Анархия в мечте: публикации 1917–1919 годов*. М.: Гилея, 2019.
Manifesti futuristi — *Manifesti futuristi*. <https://futurismo.accademiadellacrusca.org/manifesti.asp> (дата обращения: 02.04.2022). (На итал. яз.)
Papini 1913 — Papini G. La necessità della rivoluzione. *Lacerba*. 1913, 15 aprile (8): 73–77. (На итал. яз.)

Словари и справочная литература

- Pianigiani 1907 — Pianigiani O. *Vocabolario etimologico della lingua italiana*. In 2 vols. Vol. 1. Roma; Milano: Società editrice Dante Alighieri di Albrighi di Albrighi, Segati, 1907. (На итал. яз.)
Treccani — *Treccani*. <http://www.treccani.it/> (дата обращения: 02.04.2022). (На итал. яз.)

Литература

- Вежицка 1985 — Вежицка А. Речевые акты. В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. Падучева Е. В. (ред.). М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.
Виноградов 2001 — Виноградов В. В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. М.: Русский язык, 2001.
Золотова 2006 — Золотова Г. А. *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. М.: Едиториал УРСС, 2006.
Зыкова, Соколова 2019 — Зыкова И. В., Соколова О. В. Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: идиоматика авангарда. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019, (2): 7–20.
Красухин 2015 — Красухин К. Г. *Philologica parerga. Статьи по этимологии и теории культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2015.
Маркс 1955 — Маркс К. Тезисы о Фейербахе. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит., 1955. С. 1–4.
Мед 2021 — Мед Н. Г. Семантическое освоение русских заимствований в языке СМИ Иberoамерики. *Древняя и Новая Романия*. 2021, (27): 230–245.
Милованова 2016 — Милованова М. С. *Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа*. М.: Флинта, 2016.
Остин 1986 — Остин Дж. Л. Слово как действие. Медникова А. А. (пер. с англ.). В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17: Теория речевых актов. Городецкий Б. Ю. (ред.). М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.
Рансьер 2013 — Рансьер Ж. *Несогласие: Политика и философия*. Лапицкий В. Е. (пер. с фр. и примеч.). СПб.: Machina, 2013.
Сёрль, Вандервекен 1986 — Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов. Блинов А. Л. (пер. с англ.). В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. Петров В. В. (ред.). М.: Прогресс, 1986. С. 242–263.

- Современный русский язык 2009 — *Современный русский язык: Синтаксис*. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. (ред.). М.: Либроком, 2009.
- Соколова 2021 — Соколова О. В. Императив *даёшь* как маркер интенсификации иллокутивной силы в советском политическом дискурсе. *Зборник Матице србске за славистику*. 2021, (99): 265–291.
- Соколова 2022 — Соколова О. В. *Blast* как вербальное орудие в британском художественном авангарде и политике: полисемия, полифункциональность, полимодальность. Ч. 2. *Иностранные языки в высшей школе*. 2022, 1 (60): 37–50.
- Чернявская 2020 — Чернявская В. Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 135–147.
- Шмелев 2012 — Шмелев А. Д. Широта русской души. В кн.: Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 24–34.
- Berruto 2018 — Berruto G. The languages and dialects of Italy. In: *Manual of Romance Sociolinguistics*. Ayres-Bennett W., Carruthers J. (eds). Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018. P. 494–525.
- Bochmann 2018 — Bochmann K. Language policies in the Romance-speaking countries of Europe. In: *Manual of Romance Sociolinguistics*. Ayres-Bennett W., Carruthers J. (eds). Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018. P. 433–461.
- Dardano, Trifone 1995 — Dardano M., Trifone P. *Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica*. Bologna: Zanichelli, 1995. (На итал. яз.)
- Dell'Anna 2010 — Dell'Anna M. V. *Lingua italiana e politica*. Roma: Carocci, 2010. (На итал. яз.)
- Dmitriev 2011 — Dmitriev S. *The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kroon 1995 — Kroon C. *Discourse Particles in Latin. A Study of nam, enim, autem, vero and at*. Leiden; Boston: Brill, 1995.
- Leso 1994 — Leso E. Momenti di storia del linguaggio politico. In: *Storia della lingua italiana*. Vol. 2. Serianini L., Trifoni P. (eds). Torino: Einaudi, 1994. P. 703–713. (На итал. яз.)
- Longhi 2019 — Longhi E. S. *Il faro del mondo nuovo. D'Annunzio e i legionari a Fiume fra guerra e rivoluzione*. Udine: Gaspari, 2019. (На итал. яз.)
- Longhi 2022 — Longhi E. S. Cyclic Time and Vital Space in Lyrical (Dis)Order in the Aftermath of the WWI. In: *Rivel-Azione. Politica della poesia e poesia della politica in Europa e nel Mediterraneo in età contemporanea. Convegno Internazionale. Università di Roma Tre. Università Ca' Foscari, Venezia. 23–25 February 2022*. [International conference presentation]. Roma; Venezia, 2022. (На итал. яз.)
- Lukács 1971 — Lukács G. *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. Cambridge: MIT Press, 1971.
- Lyon 1999 — Lyon J. *Manifestoes: Provocations of the Modern*. London: Cornell University Press, 1999.
- Petrilli 2015 — Petrilli R. *La lingua politica: lessico e strutture argomentative*. Roma: Carocci, 2015. (На итал. яз.)
- Prandi, De Santis 2019 — Prandi M., De Santis C. *Manuale di linguistica e di grammatica italiana*. Milano: UTET, 2019. (На итал. яз.)
- Puchner 2006 — Puchner M. *Poetry of the Revolution: Marx, Manifestos, and the Avant-gardes*. Princeton: Princeton University Press, 2006.
- Roby 1875 — Roby H. J. *A Grammar of the Latin Language from Plautus to Suetonius*. In 2 parts. P. 2. London: Macmillan and Company, 1875.
- Rudolph 1996 — Rudolph E. *Contrast: Adversative and Concessive Relations and their Expressions in English, German, Spanish, Portuguese on Sentence and Text Level*. Berlin, New York: De Gruyter, 1996.
- Silverstein 2001 — Silverstein M. The Limits of Awareness. In: *Linguistic Anthropology: A Reader*. Malden: Blackwell, 2001. P. 382–401.
- Serianini, Antonelli 2011 — Serianini L., Antonelli G. *Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatica*. Milano-Torino: Bruno Mondadori, 2011. (На итал. яз.)
- Somigli 2003 — Somigli L. *Legitimizing the Artist: Manifesto Writing and European Modernism, 1885–1915*. Toronto: University of Toronto Press, 2003.

- Stefinlongo 2008 — Stefinlongo A. Scrivendo e gridando ti dico di no. I testi brevi del dissenso manifesto. In: *Testi brevi*. Dardano M., Frenguelli G., De Roberto P.E. (eds). Roma: Arance, 2008. P. 443–461. (На итал. яз.)
- Verschueren 2000 — Verschueren J. Notes on the Role of Metapragmatic Awareness in Language Use. *Pragmatics*. 2000, (10): 439–456.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2022 г.
Статья рекомендована к печати 9 ноября 2022 г.

Olga V. Sokolova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1/1, Bolshoy Kislovsky per., Moscow, 125009, Russia
olga.sokolova@iling-ran.ru

Contro tutto e contro tutti: The linguistic pragmatics of protest in the Italian futurists' manifestoes*

For citation: Sokolova O. V. *Contro tutto e contro tutti: The linguistic pragmatics of protest in the Italian futurists' manifestoes*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (1): 98–116. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.106> (In Russian)

The speech act theory by J. L. Austin and the conception of the degree of strength of illocutionary force (point) by J. R. Searle and D. Vanderveken underlies the study of exercitive speech act as the act of objection/protest expressed by prepositions *contro* and *against* 'против'. Historically, protest as a genre goes back to the Ancient rhetorical tradition, but in the 20th century, it has also become an aesthetic foundation of the Avant-garde poetic discourse. The expression of protest and a critical attitude towards the dominant discourse become one of the grounds for the interaction of the Avant-garde poetic and political discourses. Discourse and linguo-pragmatic analysis of the Italian Futurists' manifestos is carried out from the standpoint of the linguistic creativity that manifests itself in the form of the Avant-garde linguistic experiment. Further, the Italian Neo-avant-garde (Neoavanguardia, Gruppo '63) develops the idea of confronting linguistic and cultural norms in its poetical texts and manifestoes like *Linguaggio e opposizione* (1961) by Nanni Balestrini or *Ideologia e linguaggio* (1965) by Edoardo Sanguineti. The markers of adversative semantics include such grammatical and lexico-grammatical means as *но, однако, впрочем, против, напротив, вопреки, наперекор; ma, anzi, mentre, però, bensì, pure, eppure, contro, piuttosto*, etc. The paper focuses on the pragmatic and semantic features of the preposition *contro* as one of the most frequent opposition markers in the Italian Futurists' manifestos. The study distinguishes methods of deviation from standard use, aimed at increasing the illocutionary force and the performative potential of the message.

Keywords: semantics of opposition, linguo-pragmatic experiment, exercitive, avant-garde poetic discourse, political discourse.

References

- Вежбицка 1985 — Wierzbicka A. Acts of speech. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vol. XVI: Lingvisticheskaya pragmatika. Paducheva E. V. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1985. P. 251–275. (In Russian)
- Виноградов 2001 — Vinogradov V. V. *Russian language. Grammatical study of the word*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2001. (In Russian)
- Золотова 2006 — Zolotova G. A. *Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2006. (In Russian)

* The research is funded by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00040 and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

- Зыкова, Соколова 2019 — Zykova I. V., Sokolova O. V. Language experiment as an orientation towards idiomatization in the manifestoes of the Cubo-futurists: Avant-garde idiomatics. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2019, (2): 7–20. (In Russian)
- Красухин 2015 — Krasukhin K. G. *Philologica parerga. Articles on etymology and cultural theory*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2015. (In Russian)
- Маркс 1955 — Marx K. Theses about Feuerbach. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia*. In 50 vols. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955. P. 1–4. (In Russian)
- Мед 2021 — Med N. G. Semantic development of Russian borrowings in the language of the Ibero-American media. *Drevniaia i Novaia Romaniia*. 2021, (27): 230–245. (In Russian)
- Милованова 2016 — Milovanova M. S. *Semantics of Oppositeness: An Experience of Structural-Semantic Analysis*. Moscow: Flinta Publ., 2016. (In Russian)
- Остин 1986 — Austin J. L. How to do things with words. Mednikova A. A. (transl. from English). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Iss. 17: Theory of speech acts. Gorodetsky B. Yu. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1986. P. 22–130. (In Russian)
- Рансьер 2013 — Rancière J. *La méésentente: Politique et philosophie*. Lapitskii V. E. (transl. from French; ed.). St Petersburg: Machina Publ., 2013. (In Russian)
- Сёрль, Вандервекен 1986 — Searle J., Vanderveken D. Basic notions of a calculus of speech acts. Blinov A. L. (transl. from English). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Iss. 18: Logical analysis of natural language. Petrov V. V. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1986. P. 242–263. (In Russian)
- Современный русский язык 2009 — *Modern Russian Language: Syntax*. Galkina-Fedoruk E. M., Gorshkova K. V., Shanskii N. M. (eds). Moscow: Librokom Publ., 2009. (In Russian)
- Соколова 2021 — Sokolova O. V. The imperative *daesh'* as a marker of intensification of illocutionary force in soviet political discourse. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*. 2021, (99): 265–291. (In Russian)
- Соколова 2022 — Sokolova O. V. *Blast* as a verbal weapon in the British literary avant-garde and politics: polysemy, multifunctionality, multimodality. Part 2. *Inostrannye iazyki v vysshei shkole*. 2022, 1 (60): 37–50. (In Russian)
- Чернявская 2020 — Chernyavskaya V. E. Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (1): 135–147. (In Russian)
- Шмелев 2012 — Shmelev A. D. The breadth of the Russian soul. In: Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoï kartiny mira*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012. P. 24–34. (In Russian)
- Berruto 2018 — Berruto G. The languages and dialects of Italy. In: *Manual of Romance Sociolinguistics*. Ayres-Bennett W., Carruthers J. (eds). Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018. P. 494–525.
- Bochmann 2018 — Bochmann K. Language policies in the Romance-speaking countries of Europe. In: *Manual of Romance Sociolinguistics*. Ayres-Bennett W., Carruthers J. (eds). Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018. P. 433–461.
- Dardano, Trifone 1995 — Dardano M., Trifone P. *Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica*. Bologna: Zanichelli, 1995.
- Dell'Anna 2010 — Dell'Anna M. V. *Lingua italiana e politica*. Roma: Carocci, 2010.
- Dmitriev 2011 — Dmitriev S. *The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kroon 1995 — Kroon C. *Discourse Particles in Latin. A Study of nam, enim, autem, vero and at*. Leiden; Boston: Brill, 1995.
- Leso 1994 — Leso E. Momenti di storia del linguaggio politico. In: *Storia della lingua italiana*. Vol. 2. Serianini L., Trifoni P. (eds). Torino: Eunadi, 1994. P. 703–713.
- Longhi 2019 — Longhi E. S. *Il faro del mondo nuovo. D'Annunzio e i legionari a Fiume fra guerra e rivoluzione*. Udine: Gaspary, 2019.
- Longhi 2022 — Longhi E. S. Cyclic Time and Vital Space in Lyrical (Dis)Order in the Aftermath of the WWI. In: *Rivel-Azione. Politica della poesia e poesia della politica in Europa e nel Mediterraneo in età contemporanea. Convegno Internazionale. Università di Roma Tre. Università Ca' Foscari, Venezia. 23–25 February 2022*. [International conference presentation]. Roma; Venezia, 2022.
- Lukács 1971 — Lukács G. *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. Cambridge: MIT Press, 1971.

- Lyon 1999 — Lyon J. *Manifestoes: Provocations of the Modern*. London: Cornell University Press, 1999.
- Petrilli 2015 — Petrilli R. *La lingua politica: lessico e strutture argumentative*. Roma: Carocci, 2015.
- Prandi, De Santis 2019 — Prandi M., De Santis C. *Manuale di linguistica e di grammatica italiana*. Milano: UTET, 2019.
- Puchner 2006 — Puchner M. *Poetry of the Revolution: Marx, Manifestos, and the Avant-gardes*. Princeton: Princeton University Press, 2006.
- Roby 1875 — Roby H. J. *A Grammar of the Latin Language from Plautus to Suetonius*. In 2 pts. Pt. 2. London: Macmillan and Company, 1875.
- Rudolph 1996 — Rudolph E. *Contrast: Adversative and Concessive Relations and their Expressions in English, German, Spanish, Portuguese on Sentence and Text Level*. Berlin, New York: De Gruyter, 1996.
- Silverstein 2001—Silverstein M. The Limits of Awareness. In: *Linguistic Anthropology: A Reader*. Malden: Blackwell, 2001. P. 382–401.
- Serianni, Antonelli 2011 — Serianni L., Antonelli G. *Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatica*. Milano; Torino: Bruno Mondadori, 2011.
- Somigli 2003 — Somigli L. *Legitimizing the Artist: Manifesto Writing and European Modernism, 1885–1915*. Toronto: University of Toronto Press, 2003.
- Stefinlongo 2008 — Stefinlongo A. Scrivendo e gridando ti dico di no. I testi brevi del dissenso manifesto. In: *Testi brevi*. Dardano M., Frenguelli G., De Roberto P. E. (eds). Roma: Arance, 2008. P. 443–461.
- Verschueren 2000 — Verschueren J. Notes on the Role of Metapragmatic Awareness in Language Use. *Pragmatics*. 2000, (10): 439–456.

Received: May 20, 2022
Accepted: November 9, 2022